

Н. А. Тиботкина

«РОДНОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ САШИ ЧЁРНОГО

В статье рассматриваются особенности функционирования оппозиционной пары мотивов Родины и чужбины в поздней лирике Саши Чёрного. В тексте статьи говорится о литературе русского зарубежья, раскрываются особенности мироощущения писателей, оказавшихся за пределами России. На материале конкретных стихотворений Саши Чёрного прослеживается реализация мотивов Родины и чужбины в контексте всего эмигрантского творчества, выделяются главные смыслообразующие доминанты значений лексем «родной» и «чужой», прослеживается развитие и соотношение данных мотивов, образующих единое целое.

Ключевые слова: эмиграция, литература русского зарубежья, Саша Чёрный, мотив, родной, чужой.

Литература русского зарубежья занимает совершенно особое место на литературной карте России и мира, она практически не изучена современной филологической наукой. Многие исследователи называют её уникальным, ни на что не похожим «явлением в культурном процессе» [2: 7].

По справедливому замечанию О. Н. Михайлова, «феномен литературы русского зарубежья уникален и, кажется, не находит аналогов в мировой истории» [5: 8]. В творчестве эмигрантов очень чётко очерчивается граница: Родина – чужбина. Разделение на своё / чужое всегда явно маркировано в текстах, вследствие чего актуальными становятся мотив Родины и мотив чужбины, которые неразрывно взаимосвязаны и одновременно исключают и дополняют друг друга.

В творчестве Саши Чёрного (А. М. Гликберга) они звучат с особой силой. В позднем сборнике его стихотворений «Жажда» (1923) есть раздел, носящий название «Чужое солнце». Саша Чёрный – «солнечный» поэт, в его произведениях часто встречается яркое солнце. Но в данном случае оно оказывается «чужим» для лирического героя. Что значит «чужой»?

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля даётся следующее объяснение: «Чужой – не свой, сторонний; неизвестный, незнакомый; не родня, не нашей семьи, не из нашего дома; не нашей земли, иноземный <...>

Чужбина, -бинка, -ночка – чужая сторона, *место вне родины*, оседлости, жительства» [3: 613].

От личного (своего собственного, близкого, родного) значение слова расширяется до предельно общего – уровня страны, земли. Принципиально акцентируется внимание на том, что чужбина – это *место вне родины*, за её пределами, а всё, что находится «за», – чужое, незнакомое.

Очень болезненно воспринимает лирический герой Саши Чёрного своё нахождение *вне родины*. В стихотворении «С приятелем» герой обращается

к своему другу – «сероглазому мальчику», с которым вместе живёт за границей. Стихотворение представляет собой пространственный монолог лирического героя, композиционно поделённый на пять частей. Несмотря на постоянные вопросы и обращения героя к своему «приятелю», можно с уверенностью сказать, что они риторические и не предполагают ответа. В данном ключе монолог лирического героя уместно было бы расценить как исповедь раненого сердца, нуждающегося в абстрактном собеседнике, которому можно высказать самые сокровенные мысли и чувства и надеяться на его понимание и сопереживание.

В I–III частях лирический герой говорит о том, чем займутся они с «приятелем» в течение дня:

Мы пойдём с тобою к ласковой вершине
И орловской песней тишину вспугнём
<...>
Свесим с камня ноги, бросим палки рядом,
Будем долго думать, каждый о своём.
А потом свернём мы в чащу к букам серым,
Сыроежек пёстрых соберём в мешок [6: 431].

А вечером, когда «*всё местечко засыпает*», «*перечтём-ка небылицу*, / *Как летал кузнец Вакула // На чертёнке к нам в столицу*» [6: 431].

Уже в первых частях ярко заметна граница, которую проводит лирический герой между «родным» и «чужим»: «*родные межи*» / «*чужие поля*», «*чуждая речь*»; «*родная книжка*» / «*немецкая перина*», «*кот немецкий*»; «*мы с тобой два знатных иностранца*»; «*только мы – польнь в чужих полях*». В рассказе лирического героя просвечивает обида и боль, которую он испытывает при воспоминании о России. И, что символично, герой, отравленный «тёмным русским ядом», противопоставляет себя «весёлому мальчику», не испытавшему ещё бед и огорчений, в котором он видит «русскую надежду» на будущее. Из дальнейшего контекста (часть IV) можно понять, что боль и переживания за судьбу Родной страны связаны у лирического героя с определёнными людьми – большевиками, к которым Саша Чёрный чувствовал открытую ненависть. Рассуждая о будущем «сероглазого мальчика», лирический герой вспоминает о прошлом и констатирует то, что есть в горьком настоящем:

Над блевотиной лжи, над погостом зловонным
Торжествует бездарный кулак...
Дьявол сонно зевает,
Лапой нос зажимает:
Двадцать слов, корка хлеба и мрак [6: 433].

Он призывает мальчика «что-нибудь» сделать с «идиотами», найти какое-нибудь «средство» от их произвола, которого пока нет. Лирический герой рисует возможное будущее «свободного учёного» в благополучной богатой стране, где «вспыхнет радость, беспечность и смех». Но, несмотря на всю радужность и оптимистичность такой перспективы, которую пред-

ставляет герой в своём сознании, финал IV части весьма печален и символичен. На фоне райского сада, который придёт «*через лет пятьдесят*», когда «*шахт не будет бездонных, // глаз не будет бессонных, // люди станут добрее цыплят*» [6: 433], возникает картина спящего мальчика, который не слышит призывов лирического героя, а над ним в небе горят «мёртвые звёзды». В данном контексте их можно трактовать как безнадёжность положения эмигрантов на чужбине и невозможность обретения радостного, светлого будущего в ближайшее время.

Последняя часть стихотворения, совсем небольшая по объёму, содержит в себе горестные выводы лирического героя и, пожалуй, логичное завершение всего предшествующего монолога. Опять возникает мотив чуждости: всё окружающее – чужое для героя. Самое главное, что он не принимает этой новой действительности, и тоска по родине растёт с каждым днём: «*...но тоска непримирима, // но в душе глухой отказ*» [6: 435].

Заключительная строфа стихотворения позволяет судить о внутренних чувствах и переживаниях лирического героя:

К скалам в глушь пойдём мы в гости
По зелёному хвою.
Никогда я не забуду,
Никогда я не прощу! [6: 435].

Очень многозначными оказываются лексемы: «не забуду», «не прощу». Глагол «(не) забыть» отсылает к вышеупомянутому мотиву памяти, и в данном случае его можно расценить двояко: «не забуду» родную, милую Россию и «не забуду» тех трагических, ужасных событий, которые произошли в стране, вследствие чего герой был вынужден уехать за пределы родной земли. В продолжение этого рассуждения, легко семантически раскладывается глагол «прощать»: «не прощу» себя за то, что принял всё произошедшее, подчинился и уехал, и «не прощу» тех, кто заставил Россию так страдать. Скорее, второе объяснение будет верным. Вся боль, горечь, обида лирического героя, ещё более усилившиеся за счёт использования анафоры в последних двух строках стихотворения (наречие «никогда»), соединились во фразе: «*Никогда я не прощу!*».

В стихотворении «В старом Ганновере» мотив чуждости тесно переплетается с одиночеством и безнадёжностью. Описывая старый город, «*тесный и чужой лабиринт*» улиц, лирический герой замечает не местные достопримечательности, а признаки разрушения и угасания жизни: «*вода бежит волнистой ртутью*», «*стены дышат сыростью и жутью*», «*тускло блещет позолота*», и т.д. «*Карлики ль настроили домишек?*», «*Мыши ль грызли узкие ходы?*» [6: 442] – задаётся вопросами герой, гуляя по улицам Ганновера. Мрачные картины окружающей действительности наводят лирического героя на печальные мысли о собственном одиночестве и отсутствии друзей в чужой земле:

Друга нет – он на другой планете,
В сумасшедшей, горестной Москве... [6: 442].

Неоднократно в стихотворениях Саши Чёрного возникает образ друга. Это близкий, родной человек, который может разделить с тобой все горести и несчастья, понять и помочь в трудную минуту. Потребность в таком человеке испытывает и лирический герой Саши Чёрного, подчёркивая, что его друг находится «на другой планете», а, следовательно, «нет путей назад». Попытка порвать с прошлым неоднократно предпринимается героем, но память не отпускает дорогие сердцу воспоминания. Всё, что ему остаётся делать, – это отправлять письма на потерянную Родину:

Сегодня письмо отправляю далёкому другу –
Заложнику скифов – беспомощный, братский привет
(«В Гарце») [6: 440].

Интересно преломляются мотивы родного / чужого в разделе «Русская печаль», который не вошёл в прижизненные издания поэта.

Особое место занимала русская классическая литература в мировоззрении русской интеллигенции за рубежом, считаясь богатейшей основой национальной, самобытной культуры и ориентиром для всей последующей литературы. Фигуры А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова неоднократно возникают на страницах произведений писателей-эмигрантов.

В стихотворении Саши Чёрного «Скорбная годовщина» лирический герой касается очень горького, печального события – утраты для всей России – смерти Л. Н. Толстого. Говоря об особой миссии великого русского писателя, его вечных поисках истины, роли творчества Толстого для всей земли, сопоставляя заслуги классика с огромным вкладом в науку и искусство известнейших философов с мировым именем («Толстой. Это имя сегодня так гордо звучит... // Как имя Платона, как светлое имя Сократа – // Для всех на земле – итальянец он, немец иль бритт – // Прекрасное имя Толстого желанно и свято» [6: 494]), лирический герой отмечает значимость и святость Л. Н. Толстого для писателей русской эмиграции, для которых его муза «вовсеки не будет забыта...». Все изгнанники спешат на «родину духа», чтобы поклонить голову у могилы Толстого:

Как путники в бурю, на тёмном чужом корабле
Плывём мы в тумане... Ни вести, ни зова...
Сегодня мы все на далёкой, родимой земле –
У тихой могилы Толстого... [6: 494].

Сравнение лирического героя «как путники в бурю» сразу указывает на положение эмигрантов за границей. Несмотря на внешнее спокойствие и благополучие жизни изгнанников за пределами Родины, находятся они на «чужом корабле», который в каждую минуту может настичь гроза. И путь их «в тумане» свидетельствует об отсутствии каких-либо ориентиров и чётко поставленных целей в жизни, а, самое главное, обозначает неясность и нестабильность будущего. Так и скитаются изгнанники на «чужом» корабле вдали от «родной» страны по незнакомым землям.

О судьбе поэта за рубежом – на «чужбине» говорится в стихотворении Саши Чёрного «Соловьиное сердце», посвящённом памяти П. П. Потёмкина. Лирический герой восхищается талантом поэта, который создавал «смешное и хрупкое чудо» в своих произведениях:

Ты давно им владел – андерсеновским старым секретом...
Каждый грязный кирпич освещая бенгальским огнём,
Был ты в каждом движенье беспечным и вольным поэтом
И не сделал Пегаса своим водовозным конём [6: 495].

Но, к сожалению, на Родине критики и издатели не оценили дарования поэта, не разглядели своеобразия и уникальности «музы в ситцевом платье». Его вклад в литературу остался незамеченным. А в эмиграции судьба поэта была ещё более трагичной:

А потом... а потом и без слов нам всё это известно.
Рёв войны, кумачовый пожар... Где былая, родная герань?
Дом сгорел... На чужбине пустынно, и жутко, и тесно,
И усталый поэт, как в ярмо запряжённая лань [6: 495].

Страшные события начала XX века привели к утрате исторической национальной основы и потере духовно-нравственных ориентиров и уверенности в завтрашнем дне, что метафорически сфокусировано в предложении «Дом сгорел». В данном случае под «домом» подразумевается не просто жилое строение, а всё родное, близкое, дорогое и знакомое для эмигрантов в России. Дом – это своего рода микрокосм Родины, и он уничтожен. Бесконечное многоточие отделяет родную страну от чужой земли, где «пустынно, и жутко, и тесно» [6: 495]. А участь поэта на чужбине – писать, творить, чтобы не умереть с голоду, чтобы обеспечить себе достойное существование. «Лань», «запряжённая в ярмо», неизменно обречена на гибель, что и происходит с поэтом. Делая вывод, лирический герой подчёркивает, что «*соловьиное сердце*» поэта не может творить на «чужбине».

О жизни за границей очень подробно говорится в разделе «Эмигрантский уезд», который открывается стихотворением «Голос обывателя». В 1923 г. «в берлинской пивной» русские эмигранты спорят о том, «что такое эмиграция? // Особая ли нация? // Отбор ли лучших людей? // Или каждый эмигрант злодей?» [6: 498]. Было двадцать разных точек зрения, и все спорящие доказывали свою правоту. У лирического героя на данный вопрос был свой ответ: «*Каждый может жить совершенно свободно, // Где угодно*» [6: 499]. Это, пожалуй, одно из самых светлых и оптимистичных высказываний самого Саши Чёрного о жизни в эмиграции. С определённой долей иронии здесь представлена и точка зрения на революционные события начала XX века:

Революция очень хорошая штука, –
Почему бы и нет?
Но первые семьдесят лет –
Не жизнь, а сплошная мука [6: 499].

Совершенно иную картину изображает лирический герой стихотворения «Тургеневские девушки в могиле». Описывая «мир лютых фактов» советской, «марксистской» России, он приводит ужасающую статистику: «в коннозаводстве красном // Аборты, сифилис, разгул и детский блуд» [б: 496]. Стоит отметить личное местоимение «их» («их уют»), которым обозначает лирический герой российскую действительность 20-х годов, тем самым отделяя себя от числа «красных» жителей советской России. И в следующей строфе, дублируя это местоимение, он горестно замечает:

С их хлебом не сравним мы за границу:
Вуаль здесь гуще, сдержаннее жест –
А впрочем, друг, переверни страницу
И посмотри внимательно окрест... [б: 497].

Таким образом, можно сказать, что внешне большая скрытость и сдержанность не меняет внутренней сущности явлений и жизни в целом, где бы ни оказался лирический герой.

В завершение разговора о мотиве Родины и мотиве чужбины стоит обратиться к семантике определения «эмигрант».

«Эмигрант – выходец *на чужбину*, больше по политическим причинам. Эмиграция – выселение, высел, переселение, выход *на чужбину*, в *новое отечество*. Эмигрировать – выселяться, переселяться» [з: 730].

Само слово «эмигрант» естественным образом подразумевает переселение на чужую землю, но, вместе с тем, несёт в себе коннотации, обозначающие неразрывные связи с бывшей Родиной. В стихотворениях Саши Чёрного очень часто употребляется это слово (выражение):

«*русские эмигранты*», «*эмигрант-учитель*», «*эмигрант*» («Подёнщица»);

«*эмигрантские анекдоты*» («Тех, кто страдает гордо и угрюмо»);

«*русские эмигранты*» («Голос обывателя»);

«*эмигранты*» («Не по адресу»).

Сами названия стихотворений содержат в себе определение «эмигрантский»: «*Эмигрантские объявления*», «*Эмигрантская песня*», «*Эмигрантский уезд*», «*Эмигрантская полька*», «*Русская эмигрантка*», «*Эмигрантское*» и другие. Складывается впечатление, что свой «родной» эмигрантский мир образуют русские переселенцы на чужбине, где всё наполнено российскими реалиями, российской культурой, русским языком, в конце концов, памятью о России.

Таким образом, семантика слова «эмигрант, -ский» не просто определяет положение человека за рубежом, вдали от Родины, но и постоянно указывает на инородность «эмигранта» на чужой земле и его духовную принадлежность к иной – родной для него стране.

Вернёмся к названию раздела стихотворений Саши Чёрного «Чужое солнце», которое созвучно с «Чужим небом» Н. С. Гумилёва. По мысли А. С. Иванова, «сочетание слов “чужое” и “солнце” для Саши Чёрного – антитеза, нечто противоестественное и даже трагическое» [4: 10]. Солнце

становится чужим вне Родины. Как утверждает С. В. Баранов, в разделе «Чужое солнце», «Саша Чёрный стремится подчеркнуть контраст между относительным внешним благополучием, которое обрели эмигранты в Европе, и их неизбежной внутренней “тьмой”, непроницаемой для внешних воздействий» [1: 226], что находит прямое отражение в его стихотворениях «На берлинском балконе...», «Весна в Шарлоттенбурге», «В Гарце» и др. В данном контексте логично будет упомянуть о том, что «померкший свет – одна из распространённых метафор литературы первых лет изгнания: «Солнце мёртвых» И. С. Шмелёва, «Европейская ночь» В. Ф. Ходасевича» [4: 10].

И, пожалуй, завершающим разговор о мотиве Родины / мотиве чужбины можно считать стихотворение «Над всем». Находясь за рубежом, наблюдая «чужие поля», слушая «чужие слова», лирический герой вспоминает о произошедших в России событиях. Резко контрастируют между собой в сознании героя спокойные, умиротворённые, радостные зарисовки эмигрантской действительности («рыбаки», собирающие сети для ловли рыбы; «белокрылый хребет корабля», радостные школьники) и «чёрное горе» родной земли. Яркие пейзажи «чужбины» сменяются мрачными, тёмными, горькими картинами русской природы, увидев которые «Чингисхан, содрогаясь, закрыл бы ланиты руками!»:

Если тихо смотреть из травы, – ничего не случилось,
Ничего не случилось в далёкой, несчастной земле...
Отчего же высокое солнце туманом затмилось,
И холодные пальцы дрожат на поникшем челе?.. [6: 452].

Лирический герой никак не может поверить в то, что произошло. Он вспоминает «знакомые сёла», «родные пески» [6: 452], и случившееся представляется ему сном. Но тёмная даль возвращает в суровую реальность. Метафору солнца, закрывшегося туманом, можно трактовать как будущее России, которое заволокло дымом горя и страданий после трагических событий революции и Гражданской войны. А обозначенное лирическим героем «наше чёрное горе» указывает на общность и единение русских, которых сплотило несчастье: и тех, кто остался в России, и тех, кто был вынужден уехать за рубеж.

Итак, можно сделать вывод о том, что мотив Родины и мотив чужбины – наиболее частотные в лирике русской эмиграции, т.к. синтезируют весь комплекс сложных чувств и переживаний изгнанников вне России, переосмысление ими исторических событий начала XX века и, самое главное, фиксируют отношение эмигрантов к покинутой Родине и новому обретенному отечеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литература русского зарубежья (1920-1990). Учеб. пособие./ Под общ. ред. А. И. Смирновой. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 640 с.
2. Буслакова Т. П. Литература русского зарубежья. Курс лекций. – М.: Высшая школа, 2005. – 365 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: ТЕРРА, 1995. – Т. IV. Р–V. – 688 с.
4. Иванов А. С. Русский ковчег. Муза Саши Чёрного в эмиграции // Чёрный Саша. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Эллис Лак, 1996. – Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932. – 496 с.
5. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – 432 с.
6. Чёрный Саша. Улыбки и гримасы. Избранное: В 2 т. – М.: Локид, 2000. – Т. 1. – 672 с.

УДК 821.161.09-6+929Чехов

И. В. Тутаева

ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ПИСЕМ А. П. ЧЕХОВА

Рассматривается жанрово-стилевое разнообразие писем А. П. Чехова, выявляется соотношение документального и художественного начал его эпистолярном стиле.

Ключевые слова: художественно-документальные жанры, эпистолярный жанр, письма А. П. Чехова.

Письма писателей – важный источник, представляющий большое и разностороннее значение для изучения личности и творчества их авторов, времени, в которое они жили, людей, которые их окружали и входили с ними в непосредственное общение. В последнее время возрос интерес к произведениям художественно-документального жанра и, в частности, к проблемам его теоретического осмысления.

В этой связи интересна работа Е. Г. Местергази «Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века)» [7], в которой рассматривается жанровое своеобразие литературы с главенствующим документальным началом. Отметим также диссертационные исследования А. В. Ярковой [14] и А. Ф. Бурукиной [3].

Общие проблемы истории и теории художественно-документальной прозы разрабатывались Л. Я. Гинзбург, Ю. М. Лотманом, Г. Н. Поспеловым, Н. И. Глушковым, Я. И. Явчуновским и др. Конкретные художественно-документальные и публицистические жанры изучались Г. Г. Елизаветиной [5], В. С. Бараховым [1], О. Г. Егоровым [4], А. А. Тартаковским [9] и др. Но, несмотря на это, в терминологии понятий, касающихся художественно-документальной прозы, до сих пор нет определённости и чёткости.

В чеховедении тема художественно-документального жанра мало разработана. Существует ряд исследований, посвящённых изучению писем А. П. Чехова, но в них ставились другие цели и задачи.

В одной из статей М. П. Громов рассматривает эпистолярное наследие А. П. Чехова [8: 21], акцентируя основное внимание на раскрытии личности писателя и его взаимоотношениях с современниками, а также затрагивает проблему художественности его писем, анализируя их образы и язык.